

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-3-36-43

УДК 124.5;32.019.51(045)

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИБОБОРСТВО ВОКРУГ ПАТРИОТИЗМА КАК ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Кафтан Виталий Викторович,

д-р филос. наук, профессор Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
kaftanvit@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу языковых практик изменения смысла понятия «патриотизм» в целях манипулирования массовым сознанием. Будучи ядром ценностной системы общества, патриотизм сегодня подвергается активной дискредитации. В условиях обострения политических конфликтов и информационно-коммуникативного противоборства дискредитация русского языка так или иначе способствует разрушению его ценности для россиян и русскоязычного населения за рубежом РФ, утрате ими духовных идеалов и традиций. Дискредитация патриотизма – это целенаправленная деятельность определенных социальных акторов по нанесению вреда чувственно-рациональному образу – ценности любви и преданности своей Родине, имеющему большое символическое значение; подрыв его влияния на общественное сознание в качестве идеала, социального ориентира. В статье раскрывается значение понятийно-категориального аппарата для описания социальной действительности. Дается определение терминологическому противоборству, которое представляет собой конфликтное взаимодействие различных социально-политических акторов в лингвистической сфере, когда одна из сторон пытается навязать другой свое понимание тех или иных явлений, выраженное с помощью особых языковых конструкций, в целях принятия оппонентом своего видения реальной действительности и получения рационального преимущества над противником. Выявляется специфика различных лингво-коммуникативных технологий и приемов дискредитации ценности патриотизма, к числу которых следует отнести: применение двойных стандартов (наделение различными смыслами однотипных действий в зависимости от субъективной оценки), метафоризацию (понимание одного явления в терминах другого, имеющего отдаленное сходство с первым), организацию языковых игр (смещение различных словоупотреблений), инициирование медиавирусом (вызывание косвенных ассоциаций подсознания), расшатывание бинарных оппозиций (перестановка парных терминов в системе нелинейных коммуникаций), примитивизацию (сокращение значений и упрощение смыслов слов), симулякризацию языка (создание копий, лишенных оригинала), подмену означающих («пристегивание» символических значений, меняющее смысл высказывания).

Ключевые слова: понятийно-категориальный аппарат; патриотизм; терминологическое противоборство; лингво-коммуникативная технология; метафоризация; языковые игры; медиавирус; бинарные оппозиции; симулякризация

TERMINOLOGICAL CONFRONTATION AROUND PATRIOTISM AS THE VALUE OF THE RUSSIAN SOCIETY

Kaftan V.V.,

Dr. Sci. (Philosophy), Professor at Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia
kaftanvit@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of linguistic practices of changing the meaning of the concept of “patriotism”. It is done in order to manipulate the mass consciousness. Being the core of the value system of society, patriotism is now being actively discredited. In the conditions of aggravation of the political conflict

and informational confrontation, discrediting of the Russian language, one way or another, contributes to the destruction of its value for the Russians and the Russian-speaking population beyond the borders of the Russian Federation, the loss of their spiritual ideals and traditions. The discrediting of patriotism is the purposeful activity of certain social actors to harm the sensual-rational image – the value of love and devotion to their homeland, which has a great symbolic significance; undermining its influence on the public consciousness as an ideal, a social reference point. The article reveals the meaning of the conceptual and categorical apparatus for describing social reality. Here we give a definition of terminological confrontation, which is a conflict interaction between various socio-political actors in the linguistic sphere, when one of the parties tries to impose on the other its understanding of certain phenomena, expressed through special linguistic constructions, in order to accept the opponent's vision of reality and obtain a rational advantage over the opponent. Further, we specified different linguistic-communicative technologies and techniques to discredit the values of patriotism, including: the use of double standards (granting different meanings of the same actions depending on subjective assessment), metaphorization (the understanding of one phenomenon in terms of the other, with a vague resemblance from the first), organisation of language games (a mixture of different tokens), initiation of media-viruses (indirect evocation of associations of sub-consciousness), the undermining of binary oppositions (permutation of pairs of terms in the system of non-linear communications), the simplification (the reduction of values and simplification of the meanings of the words), simulacration of language (making copies, deprived of the original), the substitution of signifiers ("fastening" of the symbolic values that change the meaning of the utterance).

Keywords: *conceptual-categorical apparatus; patriotism; terminological confrontation; linguistic-communicative technologies; metaphorization; language games; media-virus; binary oppositions; simulacration*

Одной из наиболее опасных угроз как для научной и учебно-образовательной сферы, так и для пространства обыденного языка является искажение значения понятий. Терминология, понятийно-категориальный аппарат представляют собой важнейшие средства, позволяющие существовать человеку в определенной социальной среде, создавать для себя картину окружающего мира, избирать те или иные мировоззренческие и морально-нравственные ценности, т.е. быть личностью. Немецкий драматург Б. Брехт говорил: «Чрезвычайно важны понятия, которые составляют о чем-нибудь. Это захваты, с помощью которых можно двигать вещами» [1, с. 27].

В деятельности современных политиков самого высокого уровня, в информации, распространяемой современными транснациональными масс-медиа, довольно часто можно встретить не только небрежное отношение к терминам, но даже определенное жонглирование понятиями, которое представляется далеко не случайным.

Проблема соответствия понятий своему содержанию занимала еще древнегреческих мыслителей. Так, Платон в своем диалоге «Кратил» описывает спор между «натуралистами» (сторонниками естественных имен вещей) и «конвенционалистами» (сторонниками договорного определения имен вещей), в котором натуралист Кратил утверждает, что в словах отражается

«естественное сходство» между формой слова и изображаемой им вещью, а возражающий ему конвенционалист Гермоген, напротив, говорит, что «какое имя кто чему-либо установил, такое и будет правильным» [2, с. 416–417].

Сократ же в этом споре занимает позицию натуралистов, видя угрозу подмены понятий, и предостерегает: «Имя есть некое орудие... распределения сущностей, как, скажем, челнок — орудие распределения нити <...> Поскольку язык является инструментом, а имена служат для различения вещей, которые они обозначают, то они не могут не отражать природу самих вещей» [2, с. 423].

Д. Локк отмечал: «Самый легкий способ защищать странные и нелепые учения — это окружить их легионами неясных и непонятных слов, благодаря которым... такие убежища похожи более на притоны разбойников или на лисьи норы, чем на укрепления честных воинов... Тот, кто борется против неправды, должен выкорчевывать и словесные терновники, и шипы, темной чащей которых она себя окружает. От появления нового термина неизвестное известным не становится <...> Так как неправда неприемлема для человеческого ума, то для защиты нелепости остается только неясность» [3, с. 89].

Английский философ Т. Нагель, в свою очередь, полагает: «Тайна значения в том, что оно, похоже, нигде не находится — ни в слове, ни в сознании, но и ни в отдельной идее или понятии связующих

слово, сознание и вещи, о которых мы говорим. И, тем не менее, мы все время пользуемся языком, и он позволяет нам формулировать сложные мысли, охватывающие огромные сферы в пространстве и времени... Мы — слабые и ограниченные существа, но значения слов позволяют нам при помощи звуков и значков на бумаге мысленно охватывать весь мир и множество вещей в нем и даже придумывать такие вещи, которых не существует и, возможно, никогда не будет существовать» [4, с. 43–44].

Неокантианец Э. Кассирер утверждал, что основополагающие понятия каждой науки, средства, которыми она ставит свои вопросы и формулирует свои выводы, предстают уже не пассивными отражениями данного бытия, а в виде созданных самим человеком интеллектуальных символов [5, с. 13].

Французский постструктуралист Ж. Лакан высказал на семинаре «Образование бессознательного» 4 июня 1958 г. мысль, согласно которой «бессознательное организовано в глубине своей как речь, как язык» [6, с. 60]. Внутренний структурирующий механизм объединяет все уровни психики, он функционирует подобно языку. Утрачивая хаотичность, бессознательное с помощью языка становится окультуренным, что и позволяет человеку — «агенту символического порядка» — преобразовывать бессознательные желания (пульсации) в произведения искусства, получая доступ к миру культуры, языка, цивилизации. Человек социализируется, обретая язык, который конституирует его как субъект, давая ему Имя, собственную символическую позицию, культурный статус, словом, самостоятельное означающее, задавая, тем самым, саму позицию его субъективности.

Язык служит не только универсальным средством общения и коммуникации, но в то же время может выступать и средством разъединения и порабощения людей. Рассмотрим проблему языка применительно к патриотизму.

Язык, который есть коллективная память народа, — наиболее полное выражение национального сознания, ментальности и культуры. Как отмечал адмирал А. С. Шишков, президент Литературной академии российской, министр просвещения, представитель направления архаизма в русской литературе, который в годы Отечественной войны 1812 г. был назначен императором Александром государственным секретарем Российской империи и являлся автором манифестов царя о всенародном сопротивлении французским захватчикам

и подлинным организатором информационной войны с Наполеоном: «Вера, воспитание и язык суть самые сильнейшие средства к возбуждению и вкоренению в нас любви к Отечеству» [7].

Патриотизм (от др.-греч. *πατρίς* — земля отцов), понимаемый как ценность, означает высокую значимость для личности родного края, бережное отношение к национальным традициям, символам, языку и решимость активно действовать во имя интересов своей страны, невзирая на угрозу своему здоровью и самой жизни.

История Жанны Д'Арк, которую взяли в плен бургундцы, а осудили на смерть французские священники, свидетельствует, что в Средневековье, когда еще не сложились национальные государства, патриотизм не воспринимался в качестве мировоззренческого принципа. Сегодня в таких странах, как Сомали, Ливия, Сирия, значительная часть народа, перестав ощущать себя гражданами, обратилась к местничеству и, придерживаясь племенных интересов, вступила в ожесточенную борьбу со своими соотечественниками за контроль над источниками полезных ископаемых, разорвав свои страны на обособленные части.

Будучи ядром ценностной системы общества, патриотизм сегодня подвергается активной дискредитации. В условиях обострения политических конфликтов и информационно-коммуникативного противоборства дискредитация русского языка так или иначе способствует разрушению его ценности для россиян и русскоязычного населения за рубежом РФ, утрате ими духовных идеалов и традиций.

В «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (1803 г.) А. С. Шишков с болью в душе писал о том, что значительная часть русской интеллигенции не знает в полной мере и считает постыдным изъясняться на своем родном языке: «Какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее, нежели своим, и даже до того заражаются к ним страстием, что не токмо... не стыдятся не знать оно, но еще многие из них с им постыднейшим из всех невежеством, как бы некоторым украшающим их достоинством хвастают и величаются... Для познания богатства, обилия, силы и красоты языка своего нужно читать изданные на оном

книги, а наипаче превосходными писателями сочиненные» [8].

Под **дискредитацией патриотизма** (от фр. *discréditer* — подрывать доверие) понимается целенаправленная деятельность определенных социальных акторов по нанесению вреда чувственно-рациональному образу — ценности любви и преданности своей Родине, имеющему большое символическое значение; подрыв его влияния на общественное сознание в качестве идеала, социального ориентира.

Так, Л. Н. Толстой с либерально-религиозных мировоззренческих позиций утверждал: «Патриотизм в самом простом, ясном и несомненном значении своем есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых — отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти» [9].

Патриарх Алексий II, напротив, в своем интервью газете «Труд» 3 ноября 2005 г. указывал на духовную ценность патриотизма: «Патриотизм... это чувство, которое делает народ и каждого человека ответственным за жизнь страны... Если я не думаю о своем народе, то у меня нет дома, нет корней» (<http://www.pravoslavie.ru/news/051103144055.htm>).

В настоящее время термин «патриотизм» активно используется в информационной войне и ее составляющей — терминологическом противоборстве.

Терминологическое противоборство представляет собой конфликтное взаимодействие различных социально-политических акторов в лингвистической сфере, когда одна из сторон пытается навязать другой свое понимание тех или иных явлений, выраженное с помощью особых языковых конструкций, в целях принятия оппонентом своего видения реальной действительности и получения рационального преимущества над противником.

В рамках терминологического противоборства используются различные лингво-коммуникативные технологии воздействия на массовое сознание, к числу которых следует отнести применение двойных стандартов, метафоризацию, организацию языковых игр, инициирование медиавирусом, расшатывание бинарных оппозиций, симулякризацию, примитивизацию языка, подмену означающих.

Рассмотрим их более подробно применительно к патриотизму.

Применение двойных стандартов (от англ. *double standard*) — приписывание различных смыслов однотипным действиям тех или иных акторов в зависимости от субъективной оценки и выгоды для оценивающего. С новоязом тесно связано явление двоемыслия, извращенной нормы речи и высказывания «разрушения языка» — способность под влиянием жесткой идеологической системы придерживаться двух противоположных убеждений одновременно. «Двоемыслие... есть непрерывная цепь побед над собственной памятью и... покорение действительности». Механизм новояза призван скрывать, а не объяснять реальное положение вещей, подменяя реальность малопонятными противоречивыми лозунгами: «Война — это мир! Свобода — это рабство! Незнание — сила!» [10].

В начале 1990-х гг., да и сегодня, у части либеральной интеллигенции популярен афоризм английского писателя XVIII в. С. Джонсона: «Patriotism is the last refuge of a scoundrel», которое Л. Н. Толстой перевел как «патриотизм — последнее прибежище негодяя». *Refuge* — прибежище — имеет еще значение: «спасение». Авторский смысл изречения состоит в том, что не все пропало даже для самого отъявленного негодяя, если в нем еще живо чувство патриотизма, подчиняясь которому он может совершить благое дело, благородный поступок на войне или в мирной жизни. Иначе говоря, патриотизм для такого человека — последний шанс морально возродиться, оправдать свою жизнь.

Метафоризация — использование метафоры (от др.-греч. *μεταφορά* — переносное значение) как риторического приема, позволяющего реализовать понимание и переживание сущности одного явления в терминах другого, имеющего какое-либо (иногда очень отдаленное) сходство с первым. Д. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении, и действии [11, с. 60], она помогает представить какое-то сложное понятие как относительно простое, новое — как хорошо известное, абстрактное — как конкретное.

Сенатор США Д. Маккейн заявил накануне референдума в Крыму 16 марта 2014 г.: «Россия — это бензоколонка, которая притворяется страной. Это клептократия, это коррупция, это страна, чья экономика на самом деле зависит только от нефти и газа».

Между тем Ж. Баррозу, бывший глава Еврокомиссии, предупредил 21 марта 2013 г.: «Рос-

сия — это континент, который притворяется страной, это цивилизация, которая притворяется народом» (http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-13-249_en.htm).

В июле 2017 г. аналитик Goldman Sachs К. Рапоза, указал, что Россия избавилась от нефтяной зависимости: «Поэтому извините, сенатор. Россия — это что-то гораздо большее, чем обычная бензоколонка» (<https://russian.rt.com/inotv/2017-07-07/Obozrevatel-Forbes-prosti-Makkejn-no>).

Организация языковых игр. Люди часто не осознают, что язык имеет множество различных употреблений, и смешивают их, что приводит к проблемам понимания. Австрийский философ Л. Витгенштейн назвал это «языковой игрой», призванной подчеркнуть, что «говорить на языке — компонент деятельности или форма жизни» [12, с. 90–92]. Философ полагал, что «значение слова есть его употребление в языке». Выяснить способ употребления слова — значит, выяснить значение слова. В речи, особенно когда употребляются абстрактные понятия, мы часто ошибаемся, ложно истолковываем сказанное собеседником, полагая, что он играет в ту же языковую игру, что и мы, тогда как его игра иная.

10 июня 2017 г. после введения безвизового режима с ЕС президент Украины П. Порошенко, утверждая, что это «окончательный разрыв с Российской империей», процитировал стихотворение, приписываемое М.Ю. Лермонтову: «Прощай, немытая Россия, Страна рабов, страна господ, И вы, мундиры голубые, И ты, им преданный народ».

В.В. Путин напомнил, что поэт написал эти стихи во время своей поездки на Кавказ, где он, будучи офицером, отстаивал интересы своей родины — России, и добавил, намекнув на уровень коррупции на Украине: «Там, куда он [Порошенко] собирается, голубых мундиров больше, чем у нас. Пусть не расслабляется» (<http://www.rbc.ru/politics/15/06/2017/594263a69a79472e9701ab1d>).

В октябре 2017 г. на российском телевидении был показан телесериал «Спящие». По сюжету сотрудник ФСБ возвращается в Москву из длительной командировки в Ливию и приступает к работе с аналогами «белоленточного» движения, связанными с террористическим подпольем. В результате он приходит к выводу, что весь столичный истеблишмент — журналисты, политики являются так называемыми спящими (агентами иностранных спецслужб).

Российский либеральный слой, видимо, узнав себя в «спящих», устроил скандал и травлю ре-

жиссера сериала Ю. Быкова, который выступил с покаянным письмом: «Я слабый, сомневающийся человек, чья мягкость и дезориентированность в моменте привела к тому, что лучшие умы страны от меня окончательно отвернулись... Желание внести свой вклад против оранжевой революции в стране, основанное на патриотизме, — цель похвальная, но напрочь архаичная. Люди все-таки должны протестовать и требовать справедливости, иначе не будет перемен, а я предал все прогрессивное поколение, которое что-то хотело изменить в этой стране...» (https://vk.com/bykov_yuriy).

Инициирование медиавирусов (от англ. media — посредник, средства массовой коммуникации и лат. virus — яд). Медиавирусы представляют собой лингво-коммуникативные инструменты, создающие информационный повод, призванный с помощью косвенных ассоциаций высветить в подсознании человека тему, которая по какой-либо причине табуировалась, цензурировалась, подавлялась или считалась неприемлемой. Медиавирус, по мысли Д. Рашкоффа, должен шокировать, вызвать, пусть ненадолго, состояние открытости для восприятия новой информации, хотя бы смутного и неполного [13, с. 18].

Мем «Рашка — квадратный ватник» появился в 2012 г. в социальной сети Вконтакте, автором является Антон Чадский. Используется по отношению к любым людям, высказывающим пророссийскую точку зрения. В основе — американский мультипликационный образ Спанч Боб (Губка Боб — Квадратные Штаны). Представляет собой набор стереотипов, существующих в отношении России и русских: алкоголизм, квасной патриотизм, православие головного мозга (ПГМ), рабский менталитет, любовь к власти и ненависть к Западу.

Расшатывание бинарных оппозиций. Для массового сознания весьма удобен бинарный способ описания мира. Бинарные оппозиции (от лат. binarius — двойственный и oppositio — противопоставление) — способ определения социальной реальности, основанный на дуалистическом принципе противопоставления двух противоречащих друг другу признаков, когда невозможность понимания мира до конца компенсируется бинарной дополнительностью точек зрения на мир. Смысл понятия «друг» выявляется через понятие «враг»; «жизнь» — через «смерть» и т.д.

Расшатывая бинарные оппозиции рассмотренного мира как системного целого, постмодернисты Ж. Делёз и Ф. Гваттари предлагают новый прин-

цип бинаризма как некоего кода, объясняющего многовариантное бытие субъекта в функционирующей сложноорганизованной системе нелинейных коммуникаций — ризом¹. У ризомы нет никакого критерия, меры, стандарта, который позволил бы объективно определить величину «различия» или «отличия» одного явления от другого, все они образуют по отношению друг к другу децентрированную, подвижную сетку, значения положительных и отрицательных образов могут меняться местами.

Режиссер А. Кравчук снял фильм «Викинг» (2016 г.), в котором показана борьба за власть великого князя Древней Руси Владимира. В фильме воплощены все стереотипы норманнской теории: примитивность и грязь повседневной жизни восточных славян, их неспособность без участия чужаков из Скандинавии создать собственную государственность, некомпетентность в военных и политических вопросах. Ни в одном сражении, представленном в фильме, князь не способен одержать победу без участия кучки наемников-викингов, которые отказываются воевать, даже если им самим угрожает смертельная опасность, пока им щедро не заплатят за их услуги.

Примитивизация языка представляет собой упрощение лингвистических конструкций, сокращение значений слов, ликвидацию их мировоззренческого потенциала развития сознания. Так, в романе-антиутопии Дж. Оруэлла «1984» рассматривается «новояз» — особый язык, введенный в государстве Океания для тотального контроля над мыслями, чувствами и поступками граждан. От всех иных языков новояз отличался тем, что словарный запас его уменьшался, а не рос. Каждое сокращение считалось достижением, ибо, чем меньше выбор, тем меньше искушений утруждать себя размышлением. Вся старая литература подвергалась идеологическому переводу, при этом заменялся в ней не просто язык, но и смысл. Человек, возвращенный на новоязе как на единственном родном языке, больше не будет знать, что слово *равен* когда-то имело второе значение — «политически равный», или что понятие *свободен* когда-то означало «интеллектуально свободный» [10, с. 225–228].

¹ Ризома (от фр. rhizome — корневище, грибница) — понятие, фиксирующее разрушение традиционных представлений о структуре как стабильно определенной и семантически центрированной (едином корне) и означающее принципиально нелинейный способ организации целостности (текста).

Персонаж Ф.М. Достоевского лакей Смердяков в «Братьях Карамазовых» в ответ на вопрос, кто будет защищать людей, когда неприятель придет, отвечает: «Да и не надо вовсе-с. В Двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона... и хорошо кабы нас тогда покорили... Умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с...». В 2015 г. профессор МГИМО А. Зубов (в ходе избирательной кампании в Госдуму в 2016 г. — 3-й номер в списке либеральной партии ПАРНАС) в программе «Культ личности» на «Радио Свобода» заявил, что «в „Кофеварке” нашего института говорил друзьям, как, мол, досадно, что Сталин не проиграл войну Гитлеру. Потому что все равно, в конце концов, союзники бы нас освободили, но тогда бы англичане и американцы установили бы у нас демократию и сменили бы людоедский сталинский режим. Гитлер — это ангел русской истории» [14].

Симулякризация (от лат. simulacrum — притворяться, от фр. simulacres — симуляция) — производство «копий», не имеющих оригинала в реальности, репрезентация чего-то, что на самом деле не существует.

По формулировке П. Клоссовски, «там, где язык уступает безмолвию, — там же понятие уступает симулякру <...> в симулякрах понятий... выраженная мысль неизменно подразумевает особую восприимчивость собеседника». Другими словами, коммуникация, осуществляющаяся посредством симулякра, основана не на совмещении постоянных понятийных полей участников коммуникации, но на кооперации неустойчивых и сиюминутных семантических ассоциаций коммуникативных партнеров². Это означает, что в соответствии с концепцией постмодернизма — отказа от всякой центричности, привилегированных научных теорий использование любого термина в каждом случае есть лишь один из возможных вариантов его прочтения, что создает огромное пространство для его истолкований.

Для Ж. Бодрийяра симулякр никаким образом не соотносится ни с какой реальностью, кроме своей собственной. Если функция знака — отображать, а символа — представлять, в отношении симулякра говорить о каком-либо соответствии не имеет смысла. Бодрийяр выдвигает тезис об «утрате реальности» в постмодернистскую эру,

² Новейший философский словарь. Грицанова А.А., ред. Мн.: Книжный дом; 2003. 1280 с.

на смену которой приходит «гиперреальность». Знаки больше не обмениваются на означаемое, они замкнуты сами на себя [15, с. 151–153].

Причиной появления симулякров философ считает размывание в современном обществе той грани, которая прежде отделяла реальность от ирреальности, жизнь от спектакля, политику от шоу. Симулякр — знак, обретающий свое собственное бытие, творящий свою реальность и, собственно говоря, переставший по своей сути быть знаком.

В ходе ведения боевых действий в Ливии, Сирии, на Донбассе, где нет ни фронта, ни тыла, а жертвами, как правило, являются мирные люди — старики, женщины и дети, война часто превращается не только в театрализованное телевизионное шоу, но и в создание симулятивных лингво-коммуникативных конструкций в социальных сетях, где представители «диванных войск» обмениваются ожесточенными словесными ударами, имеющими весьма слабую связь с реальностью.

Подмена означающих. Для понимания сути терминологического противоборства особый интерес представляет концепция «плавающих означающих» словенского мыслителя С. Жижека, который считает, что «идеологическое пространство содержит несопряженные, несвязанные элементы „плавающие означающие“, сама идентичность которых „открыта“ и предопределяется их сочленением в цепочки с другими элементами. Приобретение содержания понятия осуществляется „пристегиванием“ — останавливающим, фиксирующим это течение, т.е. превращающим его в часть упорядоченной системы значений» [16, с. 93].

Так, например, если западные СМИ с подачи украинского националистического руководства, пришедшего к власти с помощью вооруженного насилия в феврале 2014 г., объявили несогласных с действиями режима на Донбассе, взявших в руки оружие для отстаивания своих прав (в том числе и говорящих на родном русском языке), террористами (хотя они принципиально дистанцируются от применения подобных методов против мирного населения Украины), то любая деятельность повстанцев — от защиты своих рубежей до раздачи гуманитарной помощи мирным жителям приобретает в массмедиа характер террористической.

И, наоборот, если боевики в Сирии, сражающиеся против правительства Б. Асада, ряды которых во многом формируются за счет террористиче-

ского интернационала, объявляются в транснациональных информационных структурах «борцами за свободу» против «преступного режима», то любые их шаги, будь то ведение боевых действий против правительственной армии с использованием самодельных боеприпасов, сделанных из газовых баллонов, или обезглавливание подростка только за то, что его отец является солдатом Сирийской арабской армии (как это произошло в Алеппо с 12-летним мальчиком А. Иссой, казненным в июле 2016 г. боевиками формирования «Нуреттдин аз-Зинки», объявленного «умеренной оппозицией»), или даже поедание сердца Абу-Саккаром (полевым командиром оппозиционной группировки «Бригады Фарука», поддерживаемой США) убитого им сирийского солдата под выкрикивание угроз президенту Сирии Б. Асаду, если не поддерживаются прямо, то так или иначе оправдываются.

Терминологическое противоборство использует трудности понимания различных оттенков языка, многозначность и многослойность его проявлений. Сложность языка как раз и состоит не только во множестве значений каждого отдельно взятого слова, но и в возможности смещения этих значений.

Таким образом, в качестве вывода следует отметить, что в понятийно-категориальном пространстве функционируют различные лингво-коммуникативные стратегии терминологического противоборства ценности патриотизма, которые часто (из-за смешения различного употребления слов, подмены значений, извращения смыслов, непонимания людьми того, что они участвуют в различных языковых играх) приводят к субъективизму, препятствуют адекватному отражению реальности и порождают ложные симулятивные конструкции в познании. Для более объективного восприятия действительности необходимо строжайше следовать терминологическим правилам, требующим прежде всего однозначности понимания термина, понятийной ясности и адекватности отображения им описываемой картины реальности. Для того чтобы говорить «на одном языке» и понимать друг друга, необходимо решительно преодолевать терминологическую неразбериху и вседозволенность, явно и ясно определять основные понятия и термины, используемые в теоретической и практической деятельности. Без этого в любом деле, а тем более в обеспечении безопасности социума, нельзя рассчитывать на успех.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леске М., Редлов Г., Штилер Г. Почему имеет смысл спорить о понятиях. М.: Политиздат; 1987. 287 с.
2. Платон. Кратил. Соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Мысль; 1968. 654 с.
3. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме / Избранные философские произведения. Т. 1. М.: Государственное социально-экономическое издательство; 1960. 625 с.
4. Нагель Т. Что все это значит? Очень краткое введение в философию. М.: Идея-Пресс; 2001. 84 с.
5. Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 т. Т. 1. М.; СПб.: Университетская книга; 2002. 398 с.
6. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. М.: Русское феноменологическое общество; Логос; 1997. 184 с.
7. Шишков А. С. Разсужденіе о любви къ Отечеству. (Чтеніе въ Бесѣдѣ любителей Русскаго слова). СПб.; 1812. Книжка пятая.
8. Шишков А. С. Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка. СПб.; 1813.
9. Толстой Л. Н. Христианство и патриотизм. ПСС. Т. 39. М.: Государственное издательство художественной литературы; 1956:27–80.
10. Оруэлл Дж. 1984. Пермь: КАПИК; 1992. 304 с.
11. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Эдиториал; 2004. 256 с.
12. Витгенштейн Л. Философские исследования / Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
13. Рашкофф Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М.: Ультра.Культура; 2003. 368 с.
14. Андрей Зубов: «Режиму скоро придет конец, но с ним может погибнуть Россия». URL: <https://www.svoboda.org/a/26905977.html> (дата обращения: 29.03.2018).
15. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет; 2000. 387 с.
16. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал; 1999. 234 с.

REFERENCES

1. Leske M., Redlov G., Shtiler G. Why does it make sense to argue about concepts. Moscow: Politizdat; 1987. 287 p. (In Russ.).
2. Plato. Cratylus. In: Plato. Collected works in 3 volumes. Vol. 1. Moscow: Mysl'; 1968. 654 p. (In Russ.).
3. Locke J. Experience about the human mind. In: Locke, John. Selected philosophical works. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo; 1960. 625 p. (In Russ.).
4. Nagel' T. What does it all mean? A very short introduction to philosophy. Moscow: Ideya-Press; 2001. 84 p. (In Russ.).
5. Kassirer E. The philosophy of symbolic forms. In 3 volumes. Vol. 1. Moscow: Universitetskaya kniga; 2002. 398 p. (In Russ.).
6. Lakan Zh. The instance of the letter in the unconscious or the fate of the mind after Freud. Moscow: Logos; 1997. 184 p. (In Russ.).
7. Shishkov A. S. Reasoning about love to the homeland. (Read unto the lovers of the Russian word). 5th book. St. Petersburg; 1812. (In Russ.).
8. Shishkov A. S. Discussion of the old and new syllable of the Russian language. St. Petersburg; 1813. (In Russ.).
9. Tolstoi L. N. Christianity and patriotism. Complete works. Vol. 39. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury; 1956:27–80. (In Russ.).
10. Orwell George. 1984. Perm: KAPIK; 1992. 304 p. (In Russ.).
11. Lakoff D., Johnson M. The metaphors we live by. Moscow: URSS Editorial; 2004. 256 p. (In Russ.).
12. Wittgenstein L. Philosophical Investigations. In: Wittgenstein L. Philosophical work. Part 1. Moscow: Gnosis; 1994. 612 p. (In Russ.).
13. Rushkoff Douglas Mark. Media Virus: Hidden Agendas in Popular Culture. Moscow: Ultra. Kul'tura; 2003. 368 p. (In Russ.).
14. Andrei Zubov: "The regime will soon come to an end, but Russia may die with it". URL: <https://www.svoboda.org/a/26905977.html>. (accessed 29.03.2018). (In Russ.).
15. Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death. Moscow: Dobrosvet; 2000. 387 p. (In Russ.).
16. Žižek Slavoj. The Sublime Object of Ideology. Moscow: Khudozhestvennyi zhurnal; 1999. 234 p. (In Russ.).